

ИСТОРИЯ литературы знает случаи, когда писатель, вошедший в литературу в веке минувшем, вдруг возникает перед мировой читательской аудиторией как бы заново. В этом случае художник награждается эпитетами, которых никогда ранее не слышал в свой адрес. Уместен вопрос: чем объяснить это явление, где его причины? Ну, все, что хотел сказать писатель, он уже давно сказал, и тут не может быть ничего нового. Следовательно, все дело в читательской аудитории. Принято думать: пока остывало бренное тело писателя, читательская аудитория набиралась опыта, быть может, даже созрела. А может, дело не в читающей публике, а во времени, в его законах непреложных? Прозрение почти всегда происходит с дозволения времени. А что есть время, как не непреложный ход событий, их неодолимая череда, их поступательное развитие. Значит, если имеет место новое прочтение, то его наверняка подсказало время — без его державной десницы такое прочтение не совершится.

Все это есть смысл соотнести с темой, интересующей нас: Гоголь. Похоже на то, что мировая читательская аудитория и, пожалуй, критика именно в наши дни заново открывают великого русского художника. Новое чтение Гоголя совершается с невиданным доселе интересом и, пожалуй, откровением, его широко ставят на сцене, ему посвящают статьи и книги. Главное в том значительном, что несет собой художественное наследие Гоголя — близость этого наследия жизни, его народным истокам, его духу, его характерам, которые, честное слово, своей выразительностью и точностью и в мировой литературе едва ли не беспрецедентны.

Но есть одно качество, которое, в ряду неоспоримых достоинств писателя, мы, живущие в восьмидесятих годах двадцатого века, ощутили особенно остро: современность Гоголя. Да, тот особый дар, который вдруг позволил художнику, возникшему у самых истоков нашей новой словесности, стать для нас едва ли не современным. Нет, не только потому, что многое из того, что волновало Гоголя, волнует нас, писатель поведает об этом в манере, которая, не ища иных слов, с веком наравне, нет, не прошлым веком, а нынешним, нынешним!.. В самом деле, пока наша критика ломала копыя о праве на жизнь столь действительного средства искусства, Гоголь заявил о своем участии в споре миргородским циклом, а вслед за этим и циклом петербургским, которые если что-то и единят, то именно условность — конечно, фантазматическая «Вия» отлична от необычных похождений героев «Носа», но и одно, и другое, смею думать, реализует мысль художника и посредством вымысла в такой же мере своеобразного, в какой и безбрежного.

Говорю об этом столь подробно потому, что убежден:

каждый раз, когда наше искусство прикасается к Гоголю — будь то кино, театр или, как сейчас, книжная графика, шансы на успех тем выше, чем больше манера художника отождествляется с современным изобразительным языком. Пример тому — «Мертвые души» Гоголя в иллюстрациях Виталия Горяева, только что великолепно изданные нашим знаменитым издательским домом «Художественная литература». Искусство нашей книжной иллюстрации столь значительно, что явление событийное тут труднее вдвойне. Тем показательнее, как мне

вами художника-графика в лаконизме, то созданное Горяевым, хочу думать, обогащает и графику.

Кстати, экономность, о которой идет речь, не обеднила картины жизни, как она дана Горяевым в иллюстрациях к «Мертвым душам». Если эпическая суть поэмы должна сказаться в том, чтобы был воссоздан сам лик времени, как оно возникло перед взором художника, то Горяев тут успел достаточно. Как ни значителен рисунок душевного состояния героев, их, этих героев, омывает поток жизни, достаточно могучий. Эти признаки времени

ряевской работы лежит великое произведение искусства, но произведение это велико не столько заключенными в нем событиями, сколько характерами, а это, как известно, прибавляет произведению глубины, но отнюдь не громкости.

Из сказанного следует: редко какой график, иллюстрирующий Гоголя, был так скуп в своих изобразительных средствах, как Горяев, и, пожалуй, редко кому удавалось сказать так много по сути гоголевской поэмы. Имеется в виду мелкопоместная Россия той поры, гоголевская Россия. Речь идет не только о всей веренице гоголевских персонажей, очень естественной и полной жизни, о которой художник, не разрушая нашего представления о героях «Мертвых душ», сообщил нам нечто новое. Не только об этом идет речь, но и о всей картине жизни, как ее воссоздал писатель и зримо явил художник. Необыкновенно колоритны у Горяева сцены, в которых художник показал нам толпу. И вот что любопытно: часто одна и та же толпа дана в двух ипостасях: статично и в движении. Вот это сочетание двух ипостасей необыкновенно одухотворяет рисунок, прибавляет ему жизни. Я как-то писал, имея в виду горяевские рисунки к повестям Гоголя и Достоевского на петербургские сюжеты, о завидной черте горяевского таланта — умении передать движение. В иллюстрациях к «Мертвым душам» это горяевское качество получило свое развитие.

Смотреть на то, как Ноздрев колотит Чичикова черешневым чубуком, или как наш герой корчится от боли, ощутив железное рукопожатие Собакевича, или какой вихрь бросил друг другу в объятия при слухе о чичиковских мертвых душах даму просто приятную и приятную во всех отношениях, или как метнулся по петербургской мостовой на своей деревянной ноге капитан Копейкин (кажется, мы слышим стук деревянной культи о мостовую), смотреть на это, думаешь: лишь эти картины движения — и впечатление будет иным, из рисунков уйдет жизнь, как, наверное, и в небольшой степени веселая искра, согревающая горяевское восприятие произведения, не обладая художник этим качеством — вряд ли он подступился бы к Гоголю.

В самой книге, иллюстрированной художником, есть что-то от дива: будто выставка новых работ художника, ее счастливый вернисаж вошла в твой дом. Выставка значительная, определяющая поиск художника, а следовательно, обретение вождельной новизны, не дающей искусству умереть. Есть ощущение радости, которой одарил тебя художник и которая, быть может, дорога и тем, что вызвана явлением искусства. Будем откровенны: такое бывает не столь часто — тем больше оснований благодарить художника.

Савва ДАНГУЛОВ.

● В. ГОРЯЕВ. Из иллюстраций к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя.

ГОГОЛЬ, ЗАНОВО ПРОЧИТАННЫЙ

«МЕРТВЫЕ ДУШИ» В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ ВИТАЛИЯ ГОРЯЕВА

кажется, созданное Горяевым, — как истинное явление в искусстве, оно своеобразно, глубоко по мысли, крепко по силе постижения мира писателя.

Гоголь, назвав «Мертвые души» поэмой, подчеркнул это слово на титуле рукописи. В этой детали сокрыто нечто важное, помогающее проникнуть и в замысел писателя. Если поэма — это в сущности рассказ, который поведает лирический герой, какой-то гранью своей неотделимой от автора, то горяевское толкование «Мертвых душ» тем более характерно, что воссоздает события книги, как их мог увидеть Гоголь. Нет, суть не только в том, что все происходящее в произведении дано так, как его увидел человек, рассматривающий события как бы изнутри и постигший их психологию. Не только в этом суть — действие книги воспринято в движении, а поэтому так живо, так натурально.

Казалось, куда как скупа и, пожалуй, даже немощная линия горяевского карандаша. Да достаточно ли ее, этой линии, чтобы воссоздать многообразие жизни, не обеднит ли она этого многообразия, не лишит ли она его существенных черт, не представит ли в искаженном свете? Оказывается, нет. Велик мир горяевских героев в тех же «Мертвых душах», велик и многообразен — нет, не только какими-то чертами характеров, но и состоянием ума, души и тем, что принято называть настроением героя. Вот и получается, что немощная горяевская линия всемогуща, в ее власти совладать с тем неоглядным, что являет собой мир «Мертвых душ». Что же касается горяевских манеры, где властвует эта самая линия, то это всего лишь проявление умения художника, для которого современное искусство тем выразительнее, чем экономнее в своих средствах. Если сила постижения явления средств

Горяев обнаружил с подлинной точностью и наблюдательностью большого художника, понимающего, как бесценна для работы такого рода деталь.

Но силу мысли, как и силу воображению, как мне кажется, сообщили поэме в небольшой степени символы, которые то и дело возникают в произведении и делают повествование условным, а следовательно, очень гоголевским. Они, эти символы, возникают в горяевских иллюстрациях уже на обложке, где портрет писателя своеобразно соотношен с тревожной птичьей стаей, символизирующей и неодолимость помысла, и неоглядность фантазии, и храбрость мысли, и ту степень дерзости замысла, которая осеняет художника, когда речь идет о произведении действительно великом.

Показательно именно для Горяева, что его графика по своему жестка, она лишена декоративного элемента. Да, такому художнику, как Горяев, это, пожалуй, было бы и неинтересно. Все, что сделал художник, обращено к смыслу произведения, конечно, у художника тут свое мнение по существу того, что сказал нам автор, но это мнение позволяет понять произведение, оно обогащает наше представление о нем. И тут, наверное, есть смысл сказать о том значительном, что сообщает Горяев самому нашему представлению о графике. Хрестоматийно, что графика — та самая легкая кавалерия изобразительного искусства, которая испокон веков видела свое призвание в том, чтобы толковать события эпохальные. И Гойя, и Домье, и Кольвиг, и наши Кукрыники, и Пророков возникли на гребне переломных времен. Работа Горяева тем более значительна, что она обращена к периферийному, если можно так сказать, периоду русской истории, толкая события, отнюдь не столь громкие. Правда, в основе этой го-